

мат. 1895

с. 3.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Не откажите помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующую замѣтку.

Мнѣ удалось попасть только на десятое представленіе «Чайки» (29 января), и я не могу не выразить изумленія по поводу истолкованія г. Станиславскимъ роли Тригорина. Артистъ, очевидно, отнесся къ ней очень вздумчиво и проводитъ ее послѣдовательно, но, по моему мнѣнію, играетъ онъ не чеховскаго Тригорина.

Передъ нами коротенькими и медлительными шагами двигается какой-то паралитикъ, человѣкъ съ тихимъ, слащавымъ голосомъ, томительно цѣдящій слова. Невозможно представить, чтобы подобный человѣкъ, хотя бы и съ большою литературной извѣстностью, могъ производить на женщинъ обаятельное впечатлѣніе.

Тригоринъ не отличается силою воли; но авторъ нигдѣ не указываетъ намъ, что онъ перенесъ тяжелый тифъ и не можетъ ходить и говорить по-человѣчески. Проситъ онъ Аркадину «отпустить» его; актриса въ это время стоитъ у печки, и г. Станиславскій тихохонько движется за печку, безсильно поковыривая которую, повторяетъ свою просьбу. Не похоже на Тригорина, черезчуръ вяло и дрябло. Для меня при такой игрѣ совершенно разрушается внутренняя гармонія пьесы, правильное соотношеніе выведенныхъ въ ней лицъ.

Удивительно хороша г-жа Лилина (Маша) и даютъ чеховскихъ лицъ г-жа Книпперъ и гг. Мейерхольдъ и Вишневскій, отчасти и г. Лузскій. И не театральны критикъ и не театраль, — для меня важно правильное истолкованіе и художественное воспроизведеніе лицъ, мастерски изображенныхъ Чеховымъ.

Старый писатель.